На память 9-го Ноября 1843 года княжне Варваре Николаевне Репниной

ПОСВЯЩЕНИЕ

Душе с прекрасным назначеньем
Должно любить, терпеть, страдать,
И дар господний, вдохновенье,
Должно слезами поливать.
Для вас понятно это слово!..
Для вас я радостно сложил
Свои житейские оковы,
Священнодействовал я снова
И слезы в звуки перелил.
Ваш добрый ангел осенил
Меня бессмертными крилами
И тихостройньши речами
Мечты о рае пробудил.

Яготин 11 ноября 1843

Души ваши очистивше в послушании истины духом, в братолюбии нелицемерно, от чиста сердца друг друга любите прилежно: порождена не от семени нетленна, но не нетленна, словом живого бога и пребывающего во веки. Зане всяка плоть, яка трава, и всяка слава человеча, нко цвет травный: изсше трава и цвет ея отпаде. Глагол же господень пребывает во веки. Се же есть глагол, благовествованный в вас.
Соборное послание первое святого апостола Петра; 1, 22, 25.

Двенадцать приборов на круглом столе,
Двенадцать бокалов высоких стоят;
И час уж проходит,

Никто не приходит;
Должно быть, друзьями
Забыты они.
Они не забыты, — в урочную пору,
Обет исполняя, друзья собрались
И "вечную память" пропели собором,
Отправили тризну — и все разошлись.
Двенадцать их было; все молоды были,
Прекрасны и сильны; в прошедшем году
Наилучшего друга они схоронили,
И другу поминки в тот день учредили,
Пока на свиданье к нему не сойдут.
— Счастливое братство! Единство любови
Почтили вы свято на грешной земле;
Сходитеся, други, как ныне сошлись,
Сходитеся долго и песнею новой
Воспойте свободу на рабской земле! —

Благословен твой малый путь,
Пришлец убогий, неизвестный!

Ты силой господа чудесной
Возмог в сердца людей вдохнуть
Огонь любви, огонь небесный.
Благословен! Ты божью волю
Короткой жизнью освятил;
В юдоли рабства радость воли
Безмолвно ты провозгласил.
Когда брат брата алчет крови —
Ты сочетал любовь в чужих;
Свободу людям — в братстве их
Ты проявил, великим словом
Ты миру мир благовестил;
И, отходя, благословил
Свободу мысли, дух любови!

Душа избранная, зачем
Ты мало так у нас гостила?
Тебе здесь тесно, трудно было!
Но ты любила здешний плен,
Ты, непорочная, взирала,
Скорбя, на суетных людей.
Но ангела недоставало
У вечного царя царей;
И ты на небе в вечной славе
У трона божия стоишь,
На мир наш, темный и лукавый,
С тоской невинною глядишь.
Благоговею пред тобою,
В безмолвном трепете дивлюсь;
Молюсь тоскующей душою,
Как перед ангелом молюсь!
Сниди,-пошли мне исцеленье!
Внуши, навей на хладный ум
Хоть мало светлых, чистых дум;
Хоть на единое мгновенье
Темницу сердца озари
И мрак строптивых помышлений
И разгони и усмири.
Правдиво, тихими речами,
Ты расскажи мне все свое
Земное благо-житие
И научи владеть сердцами
Людей кичливых и своим,
Уже растленным, уже злым...
Скажи мне тайное ученье
Любить гордящихся людей
И речью кроткой и смиреньем
Смягчать народных палачей.
Да провещаю гимн пророчий,
И долу правду низведу,

И погасающие очи
Без страха к небу возведу.
И в этот час последней муки
Пошли мне истинных друзей
Сложить хладеющие руки
И бескорыстия елей
Пролить из дружеских очей.
Благословлю мои страданья,
Отрадно смерти улыбнусь
И к вечной жизни с упованьем
К тебе на небо вознесусь.
Благословен твой малый путь,
Пришлец неславленный, чудесный!

В семье убогой, неизвестной
Он вырастал; и жизни труд,
Как сирота, он встретил рано;
Упреки злые встретил он
За хлеб насущный... В сердце рану
Змея прогрызла... Детский сон
Исчез, как голубь боязливый;
Тоска, как вор, нетерпеливо,
В разбитом сердце притаясь,
Губами жадными впилась
И кровь невинную сосала...
Душа рвалась, душа рыдала,
Просила воли... Ум горел,
В крови гордыня клокотала...
Он трепетал... он цепенел...
Рука, сжимаяся, дрожала...
О, если б мог он шар земной
Схватить озлобленной рукой
Со всеми гадами земными,
Схватить, измять и бросить в ад!..
Он был бы счастлив, был бы рад.

Он хохотал, как демон лютый,
И длилась страшная минута,
И мир пылал со всех сторон;
Рыдал, немел он в исступленьи,
Душа терзалась страшным сном;
Душа мертвела, — а кругом
Земля, господнее творенье,
В зеленой ризе и цветах,
Весну встречая, ликовала.
Душа отрадно пробуждалась, —
И пробудилась... Он в слезах
Упал и землю лобызает,
Как перси матери родной!..
Он снова чистый ангел рая
И на земле он всем чужой.
Взглянул на небо: — О, как ясно,
Как упоительно-прекрасно!
О, как там вольно будет мне!..
И очи в чудном полусне
На свод небесный устремляет
И в беспредельной глубине
Душой невинной утопает.
По высоте святой, широкой,
Платочком белым, одинока,
Прозрачна тучка в даль плывет.
— Ах, тучка, тучка, кто несет
Тебя так плавно, .так высоко?
Ты что такое? И зачем
Так пышно, мило нарядилась?
Куда ты послана и кем?..
И тучка тихо растопилась
На небе светлом. Взор унылый
Он опустил на темный лес...
— А где край света, край небес,
Концы земли?.. — И вздох глубокий,

Недетский вздох, он испустил;
Как будто в сердце одиноком
Надежду он похоронил.

В ком веры нет — надежды нет!
Надежда — бог, а вера — свет.

— Не погасай, мое светило!
Туман душевный разгоняй,
Живи меня твоею силой
И путь тернистый, путь унылый
Небесным светом озаряй.
Пошли на ум твою святыню,
Святым наитием напой,
Да провещаю благостыню,
Что заповедана тобой!.. —

Надежды он не схоронил,
Воспрянул дух, как голубь горный,
И мрак сердечный, мрак юдольный
Небесным светом озарил;
Пошел искать он жизни, доли,
Уже прошел родное поле,
Уже скрывалося село...
Чего-то жаль внезапно стало,
Слеза ресницы пробивала,
Сжималось сердце и рвалось.
Чего-то жаль нам в прошлом нашем,
И что-то есть в земле родной...
Но он, бедняк, он всем не свой,
И тут и там. Планета наша,
Прекрасный мир наш, рай земной,
Во всех концах ему чужой.
Припал он молча к персти милой
И, как родную, лобызал,

Рыдая, тихо и уныло
На путь молитву прочитал...
И твердой, вольною стопою
Пошел... и скрылся за горою,
За рубежом родной земли
Скитаясь нищим, сиротою,
Какие слезы не лились!
Какой ужасною ценою
Уму познания купил
И девство сердца сохранил!

Без малодушной укоризны
Пройти мытарства трудной жизни,
Измерить пропасти страстей,
Понять на деле жизнь людей,
Прочесть все черные страницы,
Все беззаконные дела...
И сохранить полет орла
И сердце чистой голубицы!
Се человек!.. Без крова жить —
(Сирот и солнышко не греет),
Людей изведать — и любить!
Незлобным сердцем сожалея
О недостойных их делах
И не кощунствуя впотьмах,
Как царь ума. Убогим, нищим,
Из-за куска насущной пищи
Глупцу могучему годить,
И мыслить, чувствовать и жить!..
Вот драма страшная, святая!..
И он прошел ее, рыдая,
Ее он строго разыграл
Без слова; он не толковал
Своих вседневных приключений,
Как назидательный роман;

Не раскрывал сердечных ран,
И тьму различных сновидений,
И байронический туман
Он не пускал: толпой ничтожной
Своих друзей не поносил;
Чинов и власти не казнил,
Как N., глашатай осторожный,
И тот, кто мыслит без конца
О мыслях Канта, Галилея,
Космополита-мудреца,
И судит люди, не жалея
Родного брата и отца, —
Тот лжепророк! Его сужденья —
Полуидеи, полувздор!..

Провидя жизни назначенье,
Великий божий приговор,
В самопытливом размышленья
Он подымал слезящий взор
На красоты святой природы.
— Как все согласно! — он шептал
И край родной воспоминал;
У бога правды и свободы
Всему живущему молил,
И кроткой мыслию следил
Дела минувшие народов,
Дела страны своей родной,
И горько плакал... — О святая!
Святая родина моя!
Чем помогу тебе, рыдая?
И ты закована, и я.
Великим словом божью волю
Сказать тиранам — не поймут!
И на родном прекрасном поле
Пророка каменьем побьют!

Сотрут высокие могилы
И понесут их словом зла!
Тебя убили, раздавили;
И славословить запретили
Твои великие дела!
О боже, сильный и правдивый!
Тебе возможны чудеса,
Исполни славой небеса
И сотвори святое диво!
Воскреснуть мертвым повели,
Благослови всесильным словом
На подвиг новый и суровый,
На искупление земли!
Земли поруганной, забытой,
Чистейшей кровию политой,
Когда-то счастливой земли! —
Как тучи, мысли расходились,
И слезы капали, как дождь!..

Блажен тот на свете, кто малую долю,
Кроху от трапезы волен уделить
Голодному брату и злобного волю
Хоть властью суровой возмог укротить! —
Блажен и свободен!.. Но тот, кто не оком,
А смотрит душою на козни людей
И может лишь плакать в тоске одинокой —
О боже правдивый, лиши ты очей!..

Твои горы, твое море,
Все красы природы
Не искупят его горя,
Не дадут свободы.
И он, страдалец жизни краткой,
Все видел, чувствовал и жил,
Людей, изведавши, любил

И тосковал о них украдкой.
Его и люди полюбили, * (Как цветок, процвевший на их болоте. (Прим. Шевченка).
И он их братиями звал;
Нашел друзей и тайной силой
К себе друзей причаровал.
Между друзьями молодыми,
Порой задумчивый... порой
Как волхв, вещатель молодой,
Речами звучными, живыми
Друзей внезапно изумлял;
И силу дружбы между ними,
Благословляя, укреплял.
Он говорил, что обще благо
Должно любовию купить;
И с благородною отвагой
Стать за народ и зло казнить.
Он говорил, что праздник жизни,
Великий праздник, божий дар,
Должно пожертвовать отчизне,
Должно поставить под удар.
Он говорил о страсти нежной,
Он тихо, грустно говорил —
И умолкал!.. В тоске мятежной
Из-за стола он выходил
И горько плакал. Грусти тайной,
Тоски глубокой, не случайной
Ни с кем страдалец не делил.
Друзья любили всей душою
Его, как кровного; но он
Непостижимою тоскою
Был постоянно удручен,
И между ними вольной речью
Он пламенел. Но меж гостей,
Когда при тысяче огней

Мелькали мраморные плечи,
О чем-то тяжко он вздыхал
И думой мрачною летал
В стране родной, в стране прекрасной,
Там, где никто его не ждал,
Никто об нем не вспоминал,
Ни о судьбе его неясной.
И думал он: — Зачем я тут?
И что мне делать между ними?
Они все пляшут и поют,
Они родня между родными,
Они все равны меж собой;
А я!.. — И тихо он выходит,
Идет, задумавшись, домой;
Никто из дому не выходит
Его встречать; никто не ждет,
Везде один... тоска, томленье!..
И светлый праздник воскресенья
Тоску сторичную несет.

И вянет он, вянет, как в поле былина,
Тоскою томимый в чужой стороне;
И вянет он молча... Какая кручина
Запала в сердечной его глубине?
— О горе мне, горе! Зачем я покинул
Невинности счастье, родную страну?
Зачем я скитался, чего я достигнул?
Утехи познаний?.. Кляну их, кляну!
Они-то мне, черви, мой ум источили,
С моим тихим счастьем они разлучили!
Кому я тоску и любовь расскажу?
Кому сердца раны в слезах покажу?
Здесь нету мне пары, я нищий меж ними,
Я бедный поденщик, работник простой;
Что дам я подруге моими мечтами?

Любовь... Ах, любови, Любови одной!
С нее на три века, на вечность бы стало!
В своих бы объятьях ее растопил!
О как бы я нежно, как нежно любил! —
И крупные слезы, как искры, низались,
И бледные щеки и слабую грудь
Росили, и сохли. — О дайте вздохнуть,
Разбейте мене череп и грудь разорвите, —
Там черви, там змеи, — на волю пустите!
О дайте мне тихо, навеки заснуть! —

Страдал несчастный сирота
Вдали от родины счастливой
И ждал конца нетерпеливо.
Его любимая мечта —
Полезным быть родному краю, —
Как цвет, с ним вместе увядает!
Страдал он. Жизни пустота
Пред ним могилой раскрывалась:
Приязни братской было мало,
Не грела теплота друзей:
Небесных солнечных лучей
Душа парящая алкала.
Огня любви, что бог зажег
В стыдливом сердце голубином
Невинной женщины, где б мог
Полет превыспренный, орлиный
Остановить и съединить
Пожар любви, любви невинной;
Кого бы мог он приютить
В светлице сердца и рассудка,
Как беззащитную голубку
От жизни горестей укрыть;
И к персям юным, изнывая,
Главой усталою прильнуть;

И цепенея и рыдая,
На лоне жизни, лоне рая
Хотя минуту отдохнуть.
В ее очах, в ее томленьи
И ум и душу утопить,
И сердце в сердце растопить,
И утонуть в самозабвеньи.

Но было некого любить;
Сочетаваться не с кем было;
А сердце плакало, и ныло,
И замирало в пустоте.
Его тоскующей мечте
В грядущем что-то открывалось,
И в беспредельной высоте
Святое небо улыбалось.
Как воску ярого свеча,
Он таял тихо, молчаливо,
И на задумчивых очах
Туман ложился. Взор стыдливый
На нем красавица порой
Покоя, тайно волновалась,
И симпатической красой
Украдкой долго любовалась.
И может, многие грустили
Сердца девичие о нем,
Но тайной волей, высшей силой
Путь одинокий до могилы
На камнях острых проведен.
Изнемогал он, грудь болела,
Темнели очи, за крестом
Граница вечности чернела
В пространстве мрачном и пустом.
Уже в постеле предмогильной
Лежит он тих, и — гаснет свет.

Друзей тоскующий совет
Тревожит дух его бессильный.
Поочередно ночевали
У друга верные друзья;
И всякий вечер собиралась
Его прекрасная семья.
В последний вечер собралися
Вокруг предсмертного одра
И просидели до утра.
Уже рассвет смыкал ресницы,
Друзей унылых сон клонил,
И он внезапно оживил
Их грустный сон огнем бывалым
Последних пламенных речей;
И други друга утешали,
Что через семь иль восемь дней
Он будет петь между друзей.
— Не пропою вам песни новой
О славе родины моей.
Сложите вы псалом суровый
Про сонм народных палачей;
И вольным гимном помяните
Предтечу, друга своего.
И за грехи... грехи его
Усердно богу помолитесь...
И "со святыми упокой"
Пропойте, други, надо мной! —

Друзья вокруг его стояли,
Он отходил, они рыдали,
Как дети... Тихо он вздыхал,
Вздохнул, вздохнул... Его не стало!
И мир пророка потерял,
И слава сына потеряла.

Печально други понесли
На утро в церковь гроб дубовый,
Рыдая, предали земли
Остатки друга: и лавровый
Венок зеленый, молодой
Слезами дружбы оросили
И на могиле положили;
И "со святыми упокой"
Запели тихо и уныло.

В трактире за круглым, за братским столом
Уж под вечер други сидели кругом;
Печально и тихо двенадцать сидело:
Их сердце одною тоскою болело.
Печальная тризна, печальны друзья!..
Ах, тризну такую отправил и я.

Согласьем общим положили,
Чтоб каждый год был стол накрыт
В день смерти друга; чтоб забыт
Не мог быть друг их за могилой;
И всякой год они сходились
В день смерти друга поминать.

Уж многих стало не видать;
Приборы каждый год пустели,
Друзья все больше сиротели —
И вот, один уж, сколько лет
К пустым приборам на обед
Старик печальный приезжает;
Печаль и радость юных лет
Один, грустя, воспоминает.
Сидит он долго, мрачен, тих,
И поджидает: — Нет ли брата
Хоть одного еще в живых? —

И одинокий в путь обратный
Идет он молча... И теперь,
Где круглый стол стоит накрытый,
Тихонько отворилась дверь,
И брат, что. временем забытый,
Вошел согбенный!.. Грустно он
Окинул стол потухшим взором.
И молвил с дружеским укором:
— Лентяи! видишь, как закон
Священный братский исполняют!
Вот и сегодня не пришли,
Как будто за море ушли! —
И слезы молча утирает,
Садясь за братский круглый стол.
— Хоть бы один тебе пришел!
Старик сидит и поджидает...

Проходит час, прошел другой,
Уж старику пора домой.
Старик встает: — Да, изменили!
Послушай, выпей, брат, вино, —
Сказал слуге он, — все равно,.
Я не могу; прошло что было, —
Да поминай за упокой;
А мне пора уже — домой! —
И слезы снова покатились.
Слуга вино, дивяся, выпил.
— Дай шляпу мне... какая лень
Итти домой!.. — и тихо вышел.

И через год в урочный день
Двенадцать приборов на круглом столе,-
Двенадцать бокалов высоких стоят,
И день уж проходит,

Никто не приходит,
Навеки, навеки забыты они.

[Яготин 1843]